

Елена Палатовская

Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко

бульвар Т. Шевченко, 14, 01601 Киев, Украина

Тел. + 38 067 375 47 18

E-mail: epalatovska@mail.ru

Область научных интересов автора: дискурсология, когнитология, синтаксис, риторика

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТРОСПЕКЦИИ КАК МЕТОДЕ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (ОПЫТ САМОНАБЛЮДЕНИЯ)

В статье рассмотрена интроспекция как предмет и метод современных лингвистических исследований. Автором статьи была предпринята попытка описания интроспективного анализа собственного сознания, направленного на осмысление целей, задач и методов научного исследования на его начальных этапах. Методологической основой данного описания послужили новейшие исследования в области психолингвистики, когнитивистики и дискурсологии. Интроспекция как сознательное обращение к собственному сознанию является необходимой составляющей работы исследователя-лингвиста и восходит к идеям Л. В. Щербы и А. М. Пешиковского. В современных исследованиях лингвистическая интроспекция всесторонне описана в работах Л. Талми. В основу классификации лингвистической интроспекции ученым были положены следующие основания: условия наблюдения, уровни осознания и степень доступности языковых объектов для интроспекции. Алгоритм возникновения научного интереса к определенной лингвистической проблеме и его развитие в собственных теоретических размышлениях состоит из следующих этапов: наблюдение конкретного языкового материала, интроспективный анализ собственных рефлексий с целью выстраивания гипотезы исследования, экспериментальная проверка релевантности данной гипотезы путем обращения к сознанию других носителей языка. В заключение автор приходит к выводу, что осознание, понимание и оценка изучаемых языковых процессов происходят только в процессе их вербального оформления в виде устных и письменных текстов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интроспекция, наблюдение, экспериментальная проверка, условия наблюдения, режимы онлайн и оффлайн, уровни осознания, степень доступности.

Осознание и понимание – основа
человеческого интеллекта.

Роджер Пенроуз

Традиционным лингвистическим методом исследования считается прежде всего наблюдение над письменным текстом, который, являясь конечным продуктом речевой деятельности и статичным объектом, обычно изучается именно таким

способом (ЛЭС 1990: 590–591). Современные лингвистические размышления, проводимые в русле когнитивно-дискурсивного направления, все чаще опираются на экспериментальные методы, заимствованные у психолингвистики.

Объектом таких исследований является дискурс, который понимается как «единство двух сущностей – процесса языковой коммуникации и получающегося в ее результате объекта, то есть текста» (Кибрик 2003: 3), и языковая личность, порождающая дискурс или воспринимающая его в процессе коммуникации. Именно языковая личность как носитель языка становится информантом в ходе проведения того или иного лингвистического эксперимента. В качестве испытуемых лингвист, в соответствии с задачами своего исследования, привлекает как «наивных» носителей языка, так и «экспертов», которыми обычно являются профессиональные филологи. Однако планируя эксперимент и выдвигая его рабочую гипотезу, ученый начинает исследование прежде всего с собственной рефлексии, анализируя личное восприятие того или иного языкового явления. В этом случае речь идет об особом виде наблюдения – *интроспекции*, которая является составляющей любой коммуникации и которую также относят к лингвистическим методам исследования.

По словарному определению, «*интроспекция* [лат. *introspectare* – смотреть внутрь] – самонаблюдение; непосредственное наблюдение состояний сознания самим переживающим их» (Большой словарь иностранных слов 1998: 262). Синонимами *лингвистической интроспекции* можно считать словосочетания *языковое чутье* или *языковая интуиция*.

В лингвистической литературе интроспекции не уделялось значительного внимания (см. об этом раб. Вежицка 1996; Тимофеева 2010а, 2010б; Фрумкина 1999, 2004; Talmy 2007), так как языковая интуиция исследователя вос-

принималась как нечто само собой разумеющееся, однако таящее при этом некоторую предвзятость и необъективность при объяснении языковых явлений. Многие ученые считают данные, полученные методом интроспекции, недостоверными, объясняя это следующими аргументами: «1) человеку свойственно ошибаться относительно содержаний / состояний своего сознания, поэтому такие сведения необъективны; 2) интроспекция всегда индивидуальна, поэтому ее нельзя использовать в рамках воспроизводимого контролируемого эксперимента» (Тимофеева 2010а: 82). Другими словами, по мнению этих исследователей, в самой сути интроспекции заложено отрицание таких основ научного знания, как воспроизводимость, повтор и статистическая достоверность. Однако объективность интроспекции может существенно повыситься, если ученый для верификации наблюдений над собственным сознанием обратится к интуиции других носителей языка. Об этом, во многом предугадав вектор развития новейшей лингвистики XXI века, писал Л. В. Щерба в пионерской для своего времени статье «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» (1931), в которой ученый обосновывал необходимость использования языковой интуиции в работе ученого-лингвиста: «С весьма распространенной боязнью, что при таком методе (т. е. методе самонаблюдения. – прим. Е.П.) будет исследоваться „индивидуальная речевая система“, а не языковая система, надо покончить раз навсегда. Ведь индивидуальная речевая система является лишь конкретным проявлением языковой системы, а потому исследова-

ние первой для познания второй вполне законно и требует лишь поправки в виде сравнительного исследования ряда таких „индивидуальных языковых систем”» (Щерба 1974: 32). Подтверждение справедливости приведенных утверждений Л. В. Щербы можно найти в современных психолингвистических работах, в которых говорится об интроспекции как необходимой процедуре, предваряющей любое исследование, проводимое с учетом «человеческого фактора в языке», так как «<...> мы можем либо изучать интроспективно собственный язык, поскольку наш внутренний мир дан нам непосредственно, либо изучать речевое поведение других лиц, поскольку только таким путем можно реконструировать ненаблюдаемые феномены чужой психики и, соответственно, языка другого человека» (Фрумкина 2004: 20). Именно поэтому, как нам представляется, наблюдение, интроспекция и эксперимент могут эффективно сочетаться в рамках одного исследования, взаимно дополняя и поддерживая друг друга для получения более достоверной информации относительно языковых объектов, изучаемых в когнитивно-дискурсивном аспекте, целью которого является создание «естественной» модели языка.

Цель данной статьи – это попытка описания интроспективного анализа собственного сознания, направленного на осмысление целей, задач и методов научного исследования на его начальных этапах, а также определение роли и места языка в этих процессах.

Прежде чем обратиться непосредственно к интроспективному анализу, необходимо остановиться на основных

положениях, определяющих возможности интроспекции как метода исследования в лингвистике.

«Интроспекция – это сознательное направление внимания на своё собственное сознание. Обращения к сознанию происходят в рамках любой языковой коммуникации, являясь её неустранимой составляющей. Поэтому способность к интроспекции, конкретные акты её использования и усматриваемые посредством них данные можно было бы, в принципе, считать *составляющими языка*, если бы язык было принято рассматривать таким, каким он предстаёт в реальной жизни человека (выделено нами – прим. Е.П.). Однако научный взгляд на язык до недавнего времени был не столь широк», – пишет М. К. Тимофеева (Тимофеева 2010б: 3). В целом поддерживая приведенные рассуждения, еще раз заметим, что идеи о важности самонаблюдения и необходимости его использования в работе исследователя-лингвиста восходят к трудам Л. В. Щербы. Интроспективный анализ в своих ранних работах он именует субъективным (или психологическим) методом, а в указанной выше статье называет лингвистическим экспериментом (Щерба 1974). Лингвистический эксперимент, по мнению Л. В. Щербы, основан на языковой интуиции исследователя и состоит в следующем: правильность любой своей гипотезы относительно того или иного факта языка ученый должен самостоятельно проверить на большом количестве искусственно созданного им языкового материала, а именно: «можно произвольно сочетать слова и, систематически заменяя одно другим, меняя их порядок, интонацию и т. п., наблюдать

получающиеся при этом смысловые различия, что мы постоянно и делаем, когда что-либо пишем» (Щерба 1974: 32). Положительные результаты, полученные в ходе проведения эксперимента, подтверждают гипотезу исследователя, а отрицательный языковой материал указывает на ее неверность или на необходимость введения каких-либо ограничений в постулируемое правило. Примерно в это же время подобные идеи были выдвинуты и А. М. Пешковским, который предложил методику стилистического эксперимента, суть которой состояла в искусственном придумывании стилистических вариантов к художественному тексту с их последующим интроспективным анализом (Пешковский 1927).

Лингвистические эксперименты в духе Л. В. Щербы и А. М. Пешковского были взяты на вооружение лингвистами и на долгое время стали основным методом научных исследований. Однако обращение к собственной языковой интуиции считалось настолько естественным явлением, что на ней специально не фиксировалось внимание ученых и методика интроспективного анализа не получила дальнейшего развития в теории языкознания. Интерес к интроспекции в лингвистике возродился в связи с бурным развитием психолингвистики и когнитивной лингвистики во второй половине XX столетия.

Изучение процессов порождения и восприятия речи в новейших лингвистических исследованиях показало, что для любого взрослого человека с достаточно развитым сознанием характерен самоанализ собственной речи и ее коррекция с учетом условий коммуникации. Таким

образом, напрашивается вывод, что интроспекция является необходимой составляющей речевой деятельности индивида. И если обычные носители языка чаще всего неосознанно «наблюдают» за своей речью, то лингвист делает это осознанно и целенаправленно. Первым, кто попробовал описать интроспекцию с лингвистических позиций, был один из основоположников когнитивной лингвистики Л. Талми (Talmy 2007). По мнению П. Б. Паршина, исследовательская методология этого ученого «практически в чистом виде представляет собой классический эксперимент в духе Л. В. Щербы, на котором основывается практически вся современная семантика: это выяснение того, как можно и как нельзя сказать – с той существенной разницей, что Талми интересуется прежде всего то, почему так-то и так-то выразиться можно, а так-то и так-то нельзя» (Паршин 1999). Думается, что именно интроспективный анализ собственной исследовательской программы, осуществляемой не один десяток лет, подтолкнул Талми к определению статуса интроспекции в лингвистических исследованиях, созданию ее типологии и достаточно подробной классификации языковых явлений, которые можно изучать интроспективно. Подробный анализ концепции Л. Талми изложен в работе М. К. Тимофеевой (Тимофеева 2010б). Мы остановимся только на тех ее положениях, которые соответствуют цели нашего исследования.

В основу классификации лингвистической интроспекции Л. Талми положены три типа оснований, которые можно обобщить в виде следующей таблицы:

1. Условия наблюдения языкового объекта:	2. Уровни осознания языковых фактов:	3. Степень доступности для интроспективного наблюдения, зависящее от:
– в режиме <i>онлайн</i> (т. е. наблюдения, проводимые непосредственно в процессе коммуникации); – в режиме <i>оффлайн</i> (т. е. наблюдения, проводимые автономно от процесса коммуникации).*	– <i>общий</i> (некоторые составляющие языка, используемые для описания предметного мира воспринимаются говорящим/пишущим неосознанно); – <i>специальный</i> (объектом осознания индивида становится восприятие самих составляющих языка).	– <i>когнитивных</i> способностей, свойственных человеку как биологическому виду; – <i>индивидуальных когнитивных</i> способностей отдельной личности; – <i>обстоятельств и условий</i> , в которых происходит наблюдение; – <i>типа языкового объекта наблюдения</i> .

* В последние годы компьютерные термины «онлайн» и «оффлайн» вошли в активный терминологический лексикон лингвистики и используются, в частности, применительно к стратегиям говорящего в процессе устной коммуникации. (см. об этом подробнее, например, в (Подлеская 2014).

С учетом данных оснований ученый распределяет аспекты языка на четыре группы (с *высокой, средней, низкой* и *нулевой* степенью доступности для интроспективного наблюдения) и на достаточно большом количестве примеров показывает возможности интроспективного анализа, производимого в онлайн и оффлайн режимах.

Думается, что интроспективное наблюдение над языком у лингвиста, следуя терминологии, представленной в работе Л. Талми, происходит на втором (*специальном*) уровне осознания, результатом чего является выработка метаязыка научного исследования. В процессе разработки научной проблемы, ее осмысления, постановки целей и задач исследования, сбора и анализа языкового материала ученый постоянно погружен в мир собственных рефлексий, а интроспективные наблюдения в режимах онлайн и оффлайн происходят перманентно, поэтому они тесно взаимосвязаны

и зависят друг от друга. Так, например, первичные размышления относительно той или иной лингвистической проблемы возникают в виде некоторых трудно вербализуемых представлений, которые для полного осознания и понимания нуждаются во внешнем проговаривании (в режиме онлайн), причем проговаривание проблемы может быть не только в профессиональном кругу, но и просто с людьми, готовыми тебя выслушать.

Публичное проговаривание размышлений относительно тех или иных языковых явлений часто приводит к осознанию своей правоты или же, наоборот, к пониманию неправоты собственных умозаключений, параллельно с этим на ум могут приходить новые идеи и новые повороты в выстраивании концепции исследования. Обсуждение же проблем и задач исследования в диалоге с коллегами приводит к другому, более высокому уровню дальнейшего интроспективного анализа. Оно порождает новые реф-

лексии и возможности увидеть объект исследования как бы с другой стороны, рассмотреть его под иным углом зрения и осознать новые грани и новые перспективы исследования.

Важным этапом научного исследования является вербальная объективация результатов интроспективного анализа. В процессе создания письменного текста научной статьи или соответствующего раздела научной работы сознание делает объектом своего наблюдения все известные исследователю компоненты языка, что проявляется в постоянном совершенствовании содержательной составляющей, изменении структурной организации письменного дискурса, подборе наиболее удачной языковой формы для воплощения замысла. Трудно однозначно ответить, в каком режиме происходят эти наблюдения (онлайн или оффлайн), так как, по нашему мнению, процесс создания письменного текста в какой-то степени можно считать процессом не автономной, а непосредственной коммуникации, ведь пишущий всегда удерживает в сознании фактор адресата и учитывает степень доступности создаваемого сообщения для читателя. В связи со всем сказанным трудно не согласиться с утверждением Р. М. Фрумкиной, которая пишет: «Естественный язык является основной формой, в которой отражены наши знания о мире, но он является также и главным инструментом, с помощью которого человек приобретает и обобщает свои знания, фиксирует их и передает в социум» (Фрумкина 2004: 10). Таким образом, можно сделать вывод, что осознание, понимание и оценка изучаемых языковых процессов происходят только в процессе их вербального оформления.

Интроспективный анализ собственного сознания автора данной статьи показал, что алгоритм возникновения научного интереса к определенной лингвистической проблеме и ее развитие в собственном теоретическом исследовании в весьма обобщенном виде может состоять из следующих этапов:

- 1) *наблюдение* (включает в себя чтение существующей научной литературы по данной проблеме, ее осмысление, а также проверка выдвигаемых другими исследователями положений на конкретном языковом материале и его отбор для дальнейшего анализа);
- 2) *интроспективный анализ* собранного языкового материала с целью выстраивания гипотезы будущего научного исследования и его публичное «проговаривание»;
- 3) *экспериментальная проверка* релевантности данной гипотезы путем обращения к сознанию других носителей языка, что дает возможность построения адекватной языковой модели.

Покажем методику использования данного алгоритма на конкретном примере. Наше исследование задумывалось как попытка реконструирования ментальных структур по данным внешней синтаксической формы (прежде всего в виде сложного предложения) на материале устного и письменного модуса профессионального филологического дискурса и в настоящее время еще далеко от своего завершения. Одним из первых вопросов, который возник на начальном этапе работы после анализа научной литературы по теме исследования, стала проблема сегментации устного дискурса на дискурсивные единицы. Исследовате-

ли выделяют глобальную и локальную структуры дискурса. Глобальная структура состоит из крупных составляющих: это, например, членение устного дискурса на эпизоды в нарративном типе повествования, объединение реплик в диалогические единства в беседе, новая микротема в лекции и т. д. Изучение же локальной структуры дискурса связано с определением минимальных единиц, в качестве которых обычно выделяются элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ). Более половины ЭДЕ, по наблюдениям исследователей, реализуются в устном дискурсе как предикатно-аргументные структуры, т. е. совпадают с элементарным предложением – клаузой (см. об этом подробнее в (Кибрик 2008; Коротчаев 2007). Естественно, возник вопрос, существует ли единица, которая будет являться промежуточной между ЭДЕ как минимальной единицей локальной структуры устного дискурса и глобальной его структурой, и может ли такой единицей считаться предложение, которое традиционно считается базовой языковой единицей, легко определяемой в письменной форме речи благодаря знакам препинания.

Анализ просодических фактов спонтанного устного нарративного дискурса (личных рассказов о сновидениях) позволил А. А. Кибрику и его коллегам прийти к парадоксальному, на первый взгляд, выводу, что предложение не может относиться к базовым языковым единицам: «Это довольно трудноуловимая, промежуточная языковая единица, находящаяся между локальной структурой дискурса (отдельные ЭДЕ) и глобальной структурой (эпизоды, абзацы)» (Кибрик 2008: 114).

Данное утверждение стало отправной точкой для определения степени валидности предложения в спонтанном устном монологическом дискурсе научного содержания, который, как неоднократно отмечалось исследователями, обладает целым рядом собственных лингвистических и экстралингвистических характеристик, в силу чего занимает промежуточное положение между кодифицированным типом литературного языка и разговорной речью (Лаптева 2003; Современная русская устная научная речь 1999). Материалом для *наблюдения* и последующего *интроспективного анализа* послужили видеозаписи мини-лекций на актуальные темы современной лингвистики ведущих российских ученых, представленные на сайте Интернет-проекта «ПостНаука». Общий объем звучащей речи составил около 60 минут (средняя продолжительность каждой мини-лекции – 10 минут). Для этого на этапе *наблюдения* была выполнена письменная расшифровка спонтанной монологической речи без интонационной разметки и границ сегментного членения.

На следующем этапе работы – этапе *интроспективного анализа*, если следовать логике нашего алгоритма, нами была проведена сегментация записанных выстулений на неконечные ЭДЕ, входящие в состав более крупных единиц синтаксиса – предложения и абзацы, с учетом следующих критериев: 1) семантический (смысловая завершенность); 2) синтаксический (структурная завершенность); 3) интонационный (интонационная завершенность) и 4) временной (наличие более длительной паузы в конце высказывания) (Шулькис 2005: 78).

Вполне отдавая себе отчет в том, что полученные результаты, основанные только на *интроспекции* исследователя, являются достаточно субъективными, полученные результаты были подвергнуты *экспериментальной проверке*: свои данные мы сверяли с текстовыми (зафиксированными письменно) версиями этих же мини-лекций, выполненными редакторами сайта «ПостНаука» (они представлены в разделе «FAQ (Frequently Asked Question(s) – часто задаваемые вопросы)». Опираясь на «дисциплинированную интроспекцию», мы все-таки предположили, что именно устное предложение является прототипическим образцом для построения письменного текста.

В 90% случаев выделенные нами границы предложений разных типов совпали с границами предложений в представленном на сайте текстовом варианте, причем большинство выявленных расхождений обусловлены причинами, связанными с устранением речевых девиаций, характерных для устного дискурса, и с процессом трансформации устной речи в письменную. Нами были подтверждены следующие трансформационные корреляции «*устная речь* (УР) → *письменная речь* (ПР)», ставшие результатом интроспективного анализа:

- 1) устранение девиаций в сфере избыточности структурирования предложения, таких, например, как неоправданный синтаксический параллелизм предикативных единиц (ПЕ) в пределах одного предложения. Ср.: *Во время устной речи мы жестикулируем, мы улыбаемся или, наоборот, хмуримся, мы меняем интонацию, то есть мы воздействуем на*

собеседника разными способами (УР) → *Во время устной речи мы жестикулируем, улыбаемся или, наоборот, хмуримся, меняем интонацию, то есть воздействуем на собеседника разнообразными способами* (ПР) (исчез повтор местоимения *мы*);

- 2) замена определительного придаточного с союзным словом *который* причастным оборотом: *И сейчас это делается, в частности, при помощи методов компьютерных, при помощи методов машинного обучения, в которых компьютер, так сказать, обучается на естественном материале, учитывает все существенные обстоятельства и имитирует поведение человека, **который такое вот обозначение выбирает*** (УР) → *Сегодня это делается, в частности, при помощи компьютерных методов, при помощи методов машинного обучения, в которых компьютер обучается на естественном материале учитывать все существенные обстоятельства и имитировать поведение человека, **выбирающего оптимальное обозначение предмета*** (ПР);
- 3) разделение сложносочиненного предложения на элементарные простые предложения вследствие изъятия сочинительных союзов или сочинительных союзов в сочетании с дискурсивными словами: *А одна из важнейших лингвистических задач, касающихся не только этой области, но вообще меняющегося объекта, заключается в том, чтобы...*

попытаться связать изменения в языке с некоторыми внешними изменениями, которые их порождают, а лингвисты пока этому только учатся (УР) → А одна из важнейших лингвистических задач, касающаяся не только этой области, но вообще меняющегося объекта, заключается в том, чтобы пытаться связать изменения в языке с внешними изменениями, которые их порождают. Лингвисты пока этому только учатся (ПР);

- 4) трансформация бессоюзных сложных предложений в простые за счет устранения избыточной референциальной формы, выраженной местоимением во второй предикативной единице: *Ну и вот это классическое значение термина «дискурс» нас интересует, оно существенно для теории языка (УР) → Именно классическое значение термина «дискурс» существенно для теории языка (ПР).*

Кроме того, при трансформации устной речи в письменную обычно устраняются следующие особенности устного изложения, не влияющие на формальную организацию синтаксических конструкций (они также проверялись как объект интроспекции):

- наличие двух референциальных форм к одному субъекту или объекту (существительное/ местоимение) в пределах одной предикации;
- двусоставные предикации с авторским «я» часто заменяются на безличные конструкции;

- повтор глаголов-сказуемых в рамках одной предикативной единицы;
- в случаях, где это не влияет на смысловое наполнение предложения, из текста исключаются дискурсивные слова, анафорически употребленные сочинительные союзы, вводные и вставные конструкции, инверсии, неоправданные лексические повторы.

Таким образом, был сделан вывод, что предложение в устном научном дискурсе имеет высокую степень валидности и является моделью письменного предложения. В письменной же форме речи автор научного дискурса стилистически обрабатывает необходимую информацию, излагая ее в соответствии нормами кодифицированного литературного языка и уровнем своей языковой компетенции. И чем выше эта компетенция, тем более безупречным является письменный дискурс.

Описание проведенной работы не претендует на исчерпывающую полноту, а представляет собой иллюстрацию предшествующих размышлений автора, представленных в данной статье.

В заключение хотелось бы привести основные положения нашей научной работы, которые являются результатом *наблюдения* над языковым материалом, его *интроспективного осмысления*, а также намечают *перспективу* дальнейших исследований:

1. При противопоставлении двух модусов дискурса «устный vs. письменный» устный (спонтанный) первичен, а устное предложение является прототипом письменного. Это суждение может

- показаться трюизмом, но в эпоху постпостмодерна оно является откликом на тезисы Ж. Дериды о «нефонетичности» психики.
2. В состоянии эмоционального напряжения и временного ограничения, как правило, сопутствующих процессу порождения спонтанного устного дискурса, говорящий для языковой репрезентации соответствующей ментальной модели неосознанно использует наиболее простые, репрезентативные синтаксические конструкции с доминантными средствами связи, которые можно классифицировать как прототипические.
  4. В когнитивных моделях отражены как отдельные ситуации действительности, так и нерасчлененные комплексы связанных между собою ситуаций, которые усвоены жизненным опытом говорящего. Именно поэтому синтаксические конструкции спонтанной речи, в которых выступают такие средства связи, как союзы, которые являются прототипическими для выражения тех или иных отношений, в письменной речи могут объединяться в более сложные комплексы из нескольких пропозиций
  5. Выделенные исследователем, как правило, методом интроспекции прототипические модели необходимо верифицировать, привлекая экспериментальные методы исследования с участием других носителей языка.
  6. В процессе порождения письменного дискурса адресант имеет в своем распоряжении неограниченные, по сравнению с устной коммуникацией, временные возможности, которые позволяют пересмотреть весь репертуар имеющихся в его лингвистическом опыте синонимичных синтаксических структур и репрезентировать соответствующую когнитивную модель наилучшим образом в виде синтаксической модели, альтернативной прототипической. В силу сказанного происходит мена синтаксических конструкций.
  7. Качество репрезентации когнитивной модели в речевом акте зависит от целого комплекса экстралингвистических и лингвистических составляющих, которые характеризуют говорящего/ пишущего как языковую личность – с точки зрения его близости к письменной культуре, его тяги к экспрессии в устной речи, его психотипа, позволяющего сохранять эмоциональную стабильность в процессе говорения.
- Нужно сказать, что благодаря кодированию собственных рефлексий языковыми знаками автор смог лучше осмыслить перспективы и возможности их прогностических возможностей в дальнейшей работе. Если, как правило, объектом интроспекции являются значения языковых единиц, то в предложенном случае объектом стала форма изложения, что, на наш взгляд, представляет известную новизну приложения метода интроспективного анализа.

Литература

Большой словарь иностранных слов в русском языке, 1998. Москва: ЮНВЕС.

ВЕЖБИЦКАЯ, А., 1996. *Язык. Культура. Познание*. Москва: Русские словари.

КИБРИК, А. А., 2003. *Анализ дискурса в когнитивной перспективе*. Дис. на соиск. учен. степ. докт. филол. наук. Москва: Ин-т языкозн. РАН.

КИБРИК, А. А., 2008. Есть ли предложение в устной речи? *In: Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова: Сб. науч. тр.* Москва: Языки славянских культур, 104–115.

КОРОТАЕВ, Н. А., КИБРИК, А. А., ПОДЛЕССКАЯ, В. И., 2007. Полипредикативность и интеграция в устном нарративном дискурсе. *In: Первый междисциплинарный семинар «Анализ устной разговорной речи» (ARi–2007) 29 августа 2007*. Санкт-Петербург, 14–20.

ЛАПТЕВА, О. А., 2003. *Теория современного русского литературного языка: Учебник*. Москва: Высшая школа.

Лингвистический энциклопедический словарь, 1990. Москва: Советская энциклопедия.

ПАРШИН, П. Б., 1999. Об исследовательской программе Леонарда Талми. *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология*, № 1, 88–91.

ПЕШКОВСКИЙ, А. М., 1927. *Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы*. Москва: Гос. академия художественных наук.

ПОДЛЕССКАЯ, В. И., 2014. «То есть, не убили, а резали саблей»: самоисправления говорящего в устных рассказах. *In: Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Ме-*

ждународной конференции «Диалог». Вып. 13 (20). Москва: Изд-во РГГУ, 526–540.

Современная русская устная научная речь, 1999. Т. IV. *Тексты*. Под ред. О. А. ЛАПТЕВОЙ. Москва: Эдиториал УРСС.

ТИМОФЕЕВА, М. К., 2010а. *Введение в экспериментальную когнитивную лингвистику: Учеб. пособие*. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т.

ТИМОФЕЕВА, М. К., 2010б. Интроспекция как предмет и как метод лингвистики. *Вестник НГУ. Т. 9. Вып. 2. Филология*, 3–12.

ФРУМКИНА, Р. М., 1999. Самосознание лингвистики – вчера и завтра. *Известия РАН. Сер. лит. и яз.* Т. 58, № 4, 28–38.

ФРУМКИНА, Р. М., 2004. *Психолингвистика: что мы делаем, когда говорим и думаем*. Москва: ГУ ВШЭ.

ШУЛЬКИС, С. А., 2005. Диффузность семантики и структуры в сложном предложении при устной форме его реализации. *In: Язык, сознание, коммуникация*. Отв. ред. В. В. КРАСНЫХ, А. И. ИЗOTOV. Москва: МАКС Пресс, 77–90.

ЩЕРБА, Л. В., 1974. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. *In: Л. В. ЩЕРБА. Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград: Наука, 24–39.

TALMY, L., 2007. Introspection as a Methodology in Linguistics. *In: Paper distributed at 10th International Cognitive Linguistics Conference, July, 2007, Krakow (Poland)*. Режим доступа: <http://linguistics.buffalo.edu/people/faculty/talmy/talmyweb/Handouts/introspection2.pdf> [См. 12.12.2014].

Olena Palatovska

Taras Shevchenko National University of Kyiv,
Ukraine

Research interests: discourse study, cognitive
science, syntax, rhetoric

**ABOUT LINGUISTIC INTROSPECTION AS
A METHOD OF SCIENTIFIC RESEARCH
(SELF-OBSERVATION EXPERIENCE)****Summary**

The article considers introspection as a subject
and method of the current linguistic research. The
author of the article has undertaken an attempt
to describe the introspective analysis of her own
conscience directed to comprehension of the aims,

problems and methods of scientific research at their
initial stage. The background of this description
was the newest research in the sphere of psycholin-
guistics, cognitive science, and discourse analysis.
Algorithm of occurrence of scientific interest to a
certain linguistic problem, as well as of develop-
ment of its own theoretical research, comprises the
following stages: observation of a certain lingual
material, introspective analysis of personal reflec-
tions with the aim of constructing the research
hypothesis, experimental checkup of relevance
of the given hypothesis by way of referring to
consciousness of other native speakers.

KEY WORDS: introspection, observation,
experimental checkup, regimes on-line and off-line,
levels of consciousness.

Gauta 2015 01 15

Priimta publikuoti 2015 07 10